

РАЗМЫШЛЕНИЯ В АНТРАКТЕ

Соб. журналистика. 1988. 13 февр - е. 9

УВИДИТ ЛИ СПЕКТАКЛЬ ЗРИТЕЛЬ?

В Новгородском областном театре драмы опять конфликт... Режиссер Евгений Лучин, окончивший в 1986 году ГИТИС по курсу А. Гончарова, поставил «Дон Жуана» Мольера. Художественный совет театра, в который входят и участники спектакля, постановку не принял по идейно-художественным соображениям. Режиссера обвинили в непрофессионализме, а спектакль — в пропаганде жестокости, отсутствии надежды и перспективы, невнятности отдельных режиссерских ходов. Режиссер с решением худсовета не согласился. Правление местного отделения СТД и несколько актеров, поддерживающих спектакль, солидарны с позицией режиссера. Конфликтную комиссию СТД РСФСР попросили прислать критиков для анализа спектакля.

Конфликты, конфликты, конфликты... Это начинает падождать и критикам, и работникам театра, и журналистам, и зрителям-читателям. Не каждому зрителю интересны закулисные интриги. Нормальный человек хочет ходить в театр и смотреть спектакли, желательно интересные.

...Итак, «Дон Жуан» в Новгородском театре. Режиссер Е. Лучин дал постановке следующее жанровое определение: «ирониче-

ская фантазия в 2-х частях по мотивам комедии Ж. Б. Мольера». Весь текст практически сохранен — купюры незначительны и неприципиальны. Сюжетный, событийный ряд остался неприкосновенным. Но в смене эпизодов, характеризующих Дон Жуана в разных проявлениях безнравственности, жестокости, безверия, режиссер увидел проблему деградации личности, преступающей законы нравственности и гуманизма.

У Мольера Дон Жуан переходит из эпизода в эпизод, не меняясь внутренне, лишь раскрываясь с той или иной стороны, как бы количественно накапливая зло. Такова эстетика мольеровского театра. Лучин увидел в последовательности эпизодов тот процесс динамического развития характера, который закономерно приводит героя к качественному изменению. Дон Жуан в исполнении А. Пшанского словно проверяет, пробует, прикидывает, можно ли сделать еще шаг за черту дозволенного в унижении и оскорблении человека, в попрании нравственных устоев. Переодеваясь на наших глазах, он меняет костюмы и эпохи, словно каждый раз надевает другую, более циничную и жестокую личину. Каждый эпизод — ступень лестницы, по которой он идет

к финалу: взяв в руки автомат, расстреливать людей, весь мир. К убийству всех и вся. К катастрофе.

Все персонажи в каждой сцене знают, понимают, догадываются о сути этого Дон Жуана, но, движимые корыстными интересами, они либо не позволяют себе задумываться о такой малости либо надеяться как-то приручить зло, используя его (престиж, деньги, положение) в своих целях. Обнажается механизм природы оправдания безнравственности. Всеобщая готовность иметь дело с Дон Жуаном нарушается один раз, когда Нищий отказывается богохульствовать за золотой.

Жесткая режиссерская концепция решена средствами образного театра, на сцене существует то, что Г. Товстоногов определяет как «роман жизни», то есть само действие строится на выявлении отношений и мотивов, а не бытового правдоподобия, текст становится одним из компонентов спектакля, а не предметом иллюстрации.

Начинается спектакль с того, что из ямы на авансцене поднимается Нищий (А. Бахметьев) в стилизованно-равном хитоне, садится на край ямы, достает из-за пазухи кусок черного хлеба и, отламывая по крошке, начинает есть. Замечает зал, убирает хлеб

и идет, оглядывая все вокруг. На сцену врывается погоня. Кто-то кого-то преследует, что-то сдавленно кричит, хрипит, командует... И когда освещается сцена — все уже кончилось: перевернутые предметы, вокруг полный разгром. Здесь вступает текст. Монолог Сганареля о табаке звучит безмятежно и выдает гурмана в говорящем. И лишь позже мы увидим, что Сганарель с ног до головы опутан веревками, привязан накрепко к креслу, словно его собирались четвертовать. И станет ясно, что такие передраги для него не внове, дело привычное; опять остался жив. Так войдет в спектакль тема погоня, которая снаряжена за Дон Жуаном, но от которой он всегда уходит.

После массового уничтожения людей в живых остается один Сганарель (А. Балканский). Жалобным, нелепо-капризно-детским тоном, плачущим голосом недоразвитого дитяти он будет выкрикивать «мое жалованье». Фантастическое несоответствие только что случившегося и капризно выпяченной, дрожащей губки Сганареля, контраст между обликом старика и младенческим непониманием вызывают естественный смех, провоцируя осуждение и презрение к обывателю. Под этот смех Сганарель направляется меж лежа-

щих убитых в глубину сцены. Но навстречу ему выходит Нищий, вынимает из-за пазухи кусок черного хлеба и делится с ним, жалким, корыстным, мелким, ничтожным, но единственным оставшимся в живых персонажем, делится хлебом. Сганарель получает то, за что ругает спектакль: сострадание, сочувствие. Если есть возможность помочь, оказать милосердие — сделай это, ибо эта миссия достойна Человека. Поднимаются убитые и уже как актеры выходят на поклон.

Еще одна особенность того спектакля — яркость практически всех актерских работ, чувство ансамбля, высокий профессионализм.

Итак, приехавшие из Москвы четыре критика (три от СТД и один от Министерства культуры РСФСР), местное отделение СТД и часть актеров спектакль нашли интересным, профессиональным и современным. Но у спектакля есть противники. И они требуют его закрыть.

В принципе неприятие того или иного творческого решения — дело понятное, случающееся достаточно часто. Тревогу вызывают аргументы. Среди них есть субъективные, поверхностные. Скажем, один из членов худсовета рассчитывал, что его сын, не успевший прочитать

Мольера, посмотрев этот спектакль, мог бы рассказать содержание учителю. Второй надеялся привести свою дочь, чтобы показать ей в острастку и назидание, как ее будут обольщать «дон жуаны». Третий неудовлетворен несоответствием своего представления о Дон Жуане как герое «плаща и шпаги». Четвертый, исходя из того, что это комедия, хотел бы получить «приятное впечатление».

Но есть и серьезные, принципиальные. Они-то требуют отказа от сложной образности («не понимаю»), от жесткости обвинения, летящего в зал нам, зрителям, в конформизме, корысти и глупости. Из выступлений противников спектакля особенно интересным и показательным представляется одно, которое, на мой взгляд, дает высшую оценку спектаклю. Член худсовета сказал: «После спектакля я вышел и подумал: «Как же дальше жить?». И потребовал закрыть спектакль».

Я не обвиняю актеров, не принявших спектакль. Актеры — люди эмоциональные. В пылу противоборства они могут забыть, что завтра кто-то попытается и их работы судить с позиции «что я хочу видеть», а не «что мне говорит художник». Лиха беда нача-

ло! Меня пугает внутренняя убежденность руководства, что никакого конфликта в театре нет, и если бы СТД не вмешался в дела новгородского театра, то здесь еще раз спокойно и благополучно «скушали» бы режиссера, обвинив его в идейной незрелости и профессиональной несостоятельности. И все были бы довольны. Судьба же начинающего и, очевидно, способного режиссера (это при нашем-то голоде на режиссуру!) на том и закончилась бы.

После отъезда критиков худсовет все же принял спектакль с замечаниями, не касающимися концепции. Самое время обрадоваться, но спектакль сдавали в октябре. Комиссия из Москвы смотрела его в декабре. Спектакль ни разу еще не вышел на зрителя. Премьера ориентировочно предполагается в конце февраля — начале марта. За лукавым решением худсовета видится медленное убивание спектакля. Готовый спектакль в принципе не может долго ждать встречи со своим «третьим творцом» — зрителем. Он перегорает и умирает.

Нам повезло: мы смогли увидеть его. А зрители Новгорода?!

Е. ЗУБКОВА.